

Виктория
Королёва

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТОПЛЬ

Виктория Королёва

Топь

Серия «Опасные связи», книга 5

<https://litres.ru/73830894>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Он спас меня, выдернул из ада, показал свет, и я влюбилась — насмерть, по-щенячьи, безоглядно! Я думала, что он моё всё, но..

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1	6
Г	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктория Королёва

Топь

Дисклеймер

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Внимание! Данное произведение предназначено исключительно для лиц, достигших совершеннолетия (18+).

Автор настоятельно не рекомендует прочтение данной книги лицам с неустойчивой психикой, повышенной тревожностью, а также тем, кто остро переживает сцены психологического и физического насилия.

Книга содержит реалистичное описание сцен жестокости, психологического давления, а также эпизоды, включающие насилие различного характера, в том числе психологическое и иное. Упоминается деятельность закрытой криминальной общины. Автор категорически осуждает подобные действия, и их описание служит исключительно для раскрытия сюжета, характеров персонажей и их внутренней трансформации.

Все персонажи и события являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными лицами, религиозными или общественными организациями случайны. Действия персонажей не являются руководством к действию и не пропагандируют противозаконное или аморальное поведение.

Глава 1

Захар

Дождь. Мелкий, противный – совсем не в кассу. Не льёт – завис в воздухе, просачиваясь под одежду. Холодно до зубного скрежета. Берцы промокли нахрен, пальцы заледенели – хочешь сжимай, хочешь разжимай, не поможет.

Лежу на боку, вжавшись плечом в мокрый мох. Сверху – вывороченный корень сосны, огромный, напоминающий рёбра павшего зверя. Мы тут тоже... пали.

Морщась, смотрю на Лёху. Лежит на пузе, локти в грязи, в руках старенький бинокль ночного видения. Раритет, но выбирать не пришлось, спасибо хоть это досталось. Никаких тебе тепловизоров, крутой оптики, как в кино про спецназ. Хрен там плавал. Обычный, зелёный, советский ещё, по ходу. Рябит, двоится, но работает. Меня переживёт...

- Ну чё там? - спрашиваю просто для того, чтобы разба-вить гнетущее молчание.

- Лес ёпта, что ещё? – буркает напарник, пожёвывая травинку - Деревья, кусты, тропа. Всё как час назад... и два часа назад, и три, блять.

- Охуенно.

- Ага.

Молчим.

Дождь снова начинает назойливо барабанить по капюшону. Стряхиваю каплю с носа, думая о том, что если ещё через час не дадут отмашку – заилимся намертво. Зашибись я выбрал времечко, чтобы попробовать вписаться во что-то крупное. Вот тебе и суровая реальность начинающего опера. Во всей красе, твою мать.

Передёргиваю плечами.

Блять, как холодно...

- Слышь, - тихо зовёт Лёха, сплёвывая травинку, - Я так и не понял, это типа культ или чё?

- В смысле?

Напарник откашливается, ещё раз сплёвывая в сторону:

- Димка сказал, что это сборище шизиков. Типа больные или чё?

- Да откуда я знаю? – выдыхаю, смотря мимо тропки, которую изучил вдоль и поперёк за последние несколько часов.

– Отказались от мирского, скотину выращивают, шьют...

- Да хорош... чё батя не сказал что-ли? – подначивает, пихая в плечо.

Спокойствие, только спокойствие...

Пытаюсь себя уболтать, но внутри всё равно разъедает. Что ни день, то обязательно всплывёт что-то про отца! Заебали.

- Он мне не докладывает.

Широков выдыхает, но дальше ничего не следует. И к луч-

шему, потому что я не собираюсь ничем делиться. Например тем, что помимо «Отделитесь от всего мирского и очистите разум» есть огромные транши бабла, веществ и бесконечные люди, которых так и не нашли... и это я ещё молчу о том, как они тут живут. Средний век, если не хуже.

Хер бы я променял возможность пользоваться благами цивилизации и жить в домиках из говна и палок, прикрывая жопу лохмотьями, чтобы познать себя, мир и прочее... или что им тут всем впарили?

Твою мать... Как в здравом уме можно отписать имущество непойми кому за эфемерную возможность восстановления своего морального здоровья. Морального... не физического. Тут все здоровые – работают на «благо общества», так сказать...

На хуй это дерьмо. Я в общем хер его знает, в каком состоянии нужно быть, чтобы отдать всё кровное чёрт знает кому, с малопрогнозируемым результатом. Но они знают... поэтому и сидим... в засаде-наблюдении.

Контрабанда, наркота, рабы без паспортов. Маскировка тут что надо. И вроде безобидные... живут себе и живут, но если копнуть... эх и дерьма наружу вылезет.

Разминаю затёкшую шею. Чтоб размяться нормально, нужно встать, но это может выдать точку, так что лежу – похрустываю как получается.

Вздыхаю, ещё раз оглядываю тропку – никого. Только дождь и монотонно шумящий лес. Убаюкивающе шумит. Ес-

ли бы не холод, можно было бы заснуть. Прищурившись, смотрю в черноту между стволами и думаю о том, в какой же жопе мы находимся. Вокруг один лес, до ближайшей нормальной дороги несколько километров. Продирались к этому месту по бездорожью, которое сейчас из-за дождя развезло по самые не могу. Как обратно... да хрен его знает – поплывём похоже.

- Ску-ко-та, - тянет Лёха, ёрзая на месте. – Слушай, а правда, что Васька к тебе приходил? Илюха говорит, разнимали вас.

Нашёл что вспомнить...

- Не было такого. Это больная фантазия Смирнова.

Лёха хмыкает, но замолкает, и на этом разговор снова тухнет. Правильно. Мне не до шуток и историй ревнивого придурка, который сам свой член в штанах удержать не может, но за женой смотрит так, словно не влево, не вправо.

Растираю ладони, активно дыша на пальцы, чувствуя, как под рёбрами ворочается липкое предчувствие. Что-то будет – наперёд знаю. Я не Ванга, но интуиции доверяю.

Что-то вот-вот случится. И лучше бы оно случилось поскорее, потому что ждать невыносимо.

Опускаю глаза на руки – ладони в красных пятнах от укусов комаров, под ногтями грязь. Мы тут во второй раз. В прошлый нормально прошло, только комары задолбали в доску. Сейчас - комбо. Повезло, так повезло...

- Захар, глянь. Идёт что-ли кто-то, не пойму.

Вскидываюсь. Сердце сразу же пробивает натянутое тук-тук-тук. Привычно, но всё равно каждый раз как в первый. Тут никого не должно быть! Слишком далеко... мы же пятая колонна, которых заслали в случае, если вдруг...

- Где? – спрашиваю, пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь стену дождя впереди.

Опушку нехило заливает – маленькая, но не видно ни черта. Как назло, блин.

- Да вот, рядом с тропинкой. Видишь? Хер знает, может глючит уже...

Перехватываю бинокль. Прижимаю к глазам, окунаясь в зелёную рябь. Чёртова древность! Пытаюсь проморгаться, но помогает это далеко не сразу.

Куда смотреть, блять?

- Не вижу, - говорю, скользя по тёмным силуэтам стволов.

Отдаю агрегат обратно, ещё раз похрустывая шеей, а Лёха выдаёт:

- Да вот!

Снова беру в руки бинокль, прикладываюсь и неожиданно, там, где только что ничего не было, вижу движение.

- Ни хера себе, орлиное зрение.

- А-то, - кичится, - зря что ли чернику пью.

Усмехаюсь.

Боровик-затейник, блять.

Всматриваюсь в приближающихся – двое. Один – груз-

ный, бородатый, мужик в тулупе, второй мелкий, щуплый, в длинной одежде...

Ребёнок?

Странно... что делать ребёнку в такую погоду и так далеко от их поселения.

Не веря своим глазам, смотрю внимательнее и да... офиговаю ещё больше. Там девочка: платок, балахон, волосы в растрёпанной косе. Идёт неуверенно, как-то зажато, спотыкается. Но не падает – нет, мужик ловко перехватывает локоть, рывком притискивая к себе.

- Свиданка что ли? – усмехается напарник, отбирая бинокль.

Безразлично пожимаю плечами.

Хрен его знает... Сложно понять, может это и не ребёнок, а какая-то миниатюрная женщина. Попробуй пойми с такого расстояния, да в такую погоду.

- Твою мать, точно, смотри чё делает?

- Что?

- На, смотри.

Вдох, выдох и перед глазами парочка. Обжимаются... Буквально. Бородатый всю тискает кого-то в сером необъятном балахоне, да так активно, что у той слетает платок, обнажая светлые волосы.

Зашибись. Только игрищ мне тут не хватало для полного счастья.

Хочу было отдать бинокль нетерпеливому напарнику, ко-

торый только что на меня сверху не ложился, чтобы посмотреть, как останавливаюсь, потому что она начинает истошно визжать.

Переглядываемся с Лёхой. У напарника на лице непередаваемая смесь удивления и настороженности, а у меня... Внутри коченеет, перемалывая в труху, потому что там, не дойдя всего нескольких шагов до маленькой опушки, прямо на краю – бородатый чмошник валит на землю худощавую девчонку и раздирает балахон.

Ёб. Твою. Мать.

Девчонка, а это именно девчонка, пытается отползти, выкрутиться, сделать хоть что-то, но сил у крохи ни на грамм...

Что-то внутри меня сжимается, тараня рёбра.

Рывком поднимаюсь на ноги. Лёха тут же хватается за руку – тянет вниз.

- Совсем ёбнулся, приказа не было. Куда, блять?!

- Знаю.

Страхиваю руки и делаю то, за что меня могут под зад коленом из отдела...

Грёбанное блядство! Не по плану. Не по плану, сука!

Мужик дёргает сопротивляющуюся девушку за ногу, та проезжает по каше в сторону тропы, пытается встать, но падает на колени, а тот, пользуясь заминкой, распахивает ноги и ложится сверху, сжимая девчонке горло, превращая визг в хрип.

- Захар! Даже не думай придурок! Я за тебя головой от-

вечаю!

Я не думаю, я просто слышу, как она из последних сил хрипит... Хрипит отчаянно и громко. На всю, твою мать, округу.

- Да ёб твою мать! - шипит напарник. - Сейчас вся шушера сбежится!

И я срываюсь с места, послав к хренам собачьим все установки, что скрупулёзно вдабливались в голову.

Ветки летят в лицо – отмахиваюсь, стараясь не потерять сцепление с грязью. Не знаю сколько прошло времени - оно просто замедлилось, но когда я добегаю – девчонка уже практически не дёргается, вцепившись в запястья, распахнув широко глаза.

Первая мысль: *«Табельное!»*.

Практически выхватываю из кобуры, но вовремя вспоминаю:

Сука, нельзя табельное! Блять... Блять!

Не теряя скорости, бью с ноги, попадая куда-то в подбородок, частично в плечо – хрен знает куда. Плевать, главное, что от неожиданности он убирает медвежью длань с горла девчонки и немного скатывается. Немного, потому что такого кабана просто так не свалишь одним смазанным ударом сбоку.

Девчонка отползает, судорожно пытается встать, падает, снова пытается. Вся в грязи, дрожит, за горло держится. Вижу её краем глаза, потому что вся моя концентрация ухо-

дит на суженные от ярости глаза мудака, который перетекает из положения полулёжа в стоя, за какие-то доли секунды. В полной мере давая мне понять, что пиздить тут будут только меня.

М-да... это тоже максимально невовремя.

Секунда, две. Полностью подбираюсь, готовясь к шквалу пиздеца, но его не происходит. Мужик дёргается вперёд, но резко тормозит, а следом разворачивается и бежит прочь.

Чё за нахрен?

- Стой, блять, стой, стрелять буду! – пыхтит Лёха, выныривая из-за спины.

Неожиданно...

Напарник пытается пробраться через деревья и кусты за сиганувшим в темноту мужиком, а я разворачиваюсь к девчонке чтобы в следующую секунду отшатнуться назад, потому что она начинает орать: громко, визгливо, панически.

Да вашу же мать...

Приседаю, зажимаю рот ладонью. Не сильно, но крепко. Замирает, смотря на меня огромными, до донышка перепуганными глазами. Очень светлыми, практически прозрачными глазами в которых не просто испуг – ужас.

- Тихо-тихо, - пытаюсь вразумить. – Не ори, я из полиции.

Не отвечает, но глаза становятся круглее и как только чуть-чуть отстраняюсь, орёт не в пример громче. Правда в этот раз даёт дёру в сторону.

Да что ты будешь делать!

Ловлю вскочившую на четвереньки девчонку и, оторвав от земли, не без усилий зажимаю рот, чтобы уйти под кроны деревьев. Ну а дальше понимаю, что у меня только два варианта: либо вырубить её, либо связать, принудительно закрыв рот, чтобы стихла. Потому что она не желает останавливаться – пытается укусить, выкрутиться, ногой пнуть.

- Да лучше бы ты так из-под него пыталась свалить, идиотка. Заткнись. – шиплю, перекидывая на другую руку.

Это всё так же не помогает. Ну а план... на ходу придумываю новый – хреновый, но новый. До машины дотаскиваю вопреки. Закидываю внутрь и вынужденно угрожаю:

- Вякнешь – прибую.

Дёргается, пытаюсь одновременно проползти по сидению ближе к дверце и стянуть разодранную в лохмотья одежду. Опускаю глаза на дрожащие руки. Блять, в такой запарке даже не понял, что тещу её почти голую. Охренеть...

Девчонка прослеживает мой взгляд и бледнеет, прижав колени к груди. В глазах – пиздец.

Раздражённо выдыхаю. Не зная, что делать с новым витком женской истерики.

- Тихо сиди, поняла?

Давлю взглядом, а она трясётся, то ли всхлипывая, то ли соглашаясь. Захлопываю дверцу, мысленно молясь, чтобы она не спугнула никого, или, ещё хуже, чтобы какой-нибудь гонец не побежал докладывать их «идейному вдохновителю», что тут вблизи с поселением ошиваются мужики с пи-

столетами. Лёха же с пистолетом на перевес и побежал, *дебил, блять.*

Закрываю машину на ключ, иду обратно, но как только слышу идущего мне навстречу недовольно сопящего напарника, приваливаюсь к дереву. *Не догнал... твою мать, сука, он его не догнал!*

Нам тиздец.

- Погнали отсюда, - командует. – Их там похоже двое.

Зашибись.

Лёха продирается сквозь ветки, чавкая грязью – весь ободранный, злой и перепуганный до самой жопы.

- Нужно поставить в известность.

- Нет, - огрызается. – Кого ставить? Мы проебали задание, понял? Снимаемся.

Встречаемся взглядами. Я всё понял, но даже тут лучше пойти по протоколу. Для нас же лучше.

- Ладно, давай сменим точку, - идёт на попятную напарник. – Начальству по пути скажем, тогда...

Стою, дышу. Сердце колотится где-то в горле. Перевожу взгляд в лес – тихо... ни погони, ни криков.

- Ну чё ты встал? Идём. – настаивает.

А я... да я не знаю как лучше! Потому что куда не посмотри - жопа с ушками.

- Не успел, - психует. - Ушёл, падла. Второго даже не видел, только слышал.

Трогаюсь следом. Врёт или нет – плевать. Это сейчас не

так важно уже.

До машины доходим в молчании, а уже там, Лёха останавливается как вкопанный.

- Ты чё, приволок её сюда?!

- А куда?

- Да насрать куда! – орёт, распахивая дверь, от чего девчонка как напуганный зверёк встаёт на ноги, прям там на кресле и, кажется, готовится сигануть наружу как есть.

- Совсем шизанулся? – распаляется. - Она мне все сидения зафаршмачила! Какого хера, Захар?!

Да я уже и сам понимаю, что это пиздец, но вот так просто признать, что он сейчас прав – хрена с три!

- Некуда было деть, она орала, не слышал?!

- Не надо было лезть!

- Без тебя решу, - обрубаю.

Не знаю, чем бы это всё закончилось, но в рации звучит знакомый голос Юрки:

- Отбой. Повторяю: отбой. Возвращаемся.

- Ещё лучше, - всплескивает руками напарник, хлопая дверью старенькой Нивы так, что машина ходуном заходится.

Сверлим друг друга взглядами. Мы с Лёхой с первого дня – приставили меня к нему как к мамке, чтобы он сопلي вытирал. Он и вытирал, а сейчас хочет рвануть и по этим соплям надавать. И хочет этого настолько сильно, что готов плюнуть на сильную разницу в росте и сделать это.

- Чё делать с этой теперь?

- Отвезём в отдел.

- Да что ты, — язвит. — Может ещё и на Мальдивы её?

Сука, бесит.

Сжимаю кулаки, чтобы самому не сорваться и не вбить напарника мордой в грязь.

- Может и свозить.

- Ещё бы, блять, мажор. Кому она там сдалась в отделе? Ты думаешь, тебя по головке за этот подарочек погладят? Да, конечно, ага. Держи карман шире.

Машет на меня рукой и прыгает на водительское. Провожая взглядом, а после смотрю на свои руки. Твою мать... вся куртка в грязи, ветками порванная и в ещё каком-то дерьме. Отряхиваюсь, пока иду на своё место.

Сажусь, хлопаю дверью и тут же окунаюсь в давящий вакуум тишины.

Оборачиваюсь. Девчонка сидит, закутавшись в китель... в мой, блять, китель! Глаза огромные, пустые, неживые.

А в рации снова шипение и голос начальства:

- Повторяю: отбой. Цель ушла. Отбой. Всем вернуться обратно.

Лёха смотрит на меня.

- Вот и Громов... А у нас, - кивок назад, - трофей...

- Поехали уже.

Качает головой, но всё-таки трогается с места. Дождь барабанит по крыше, девчонка сзади молчит. И я думаю только

о том, что сейчас реально вляпался. По макушку окунулся!

Машина прыгает на корнях. Нива старая, казённая, убитая ещё до меня. Подвеска - дерьмо. Дворники скрипят, размазывая грязь по стеклу. Вглядываюсь в темноту, пока Лёха крутит баранку и именно он не выдерживает первым:

- Эй! Ты как? Живая?

Тишина.

Кошу взгляд. Она сидит, забившись в угол, колени к подбородку, мой китель натянут до самого носа. Видны только глаза... светлые и грязные щёки в разводах. Смотрит перед собой. Не на нас... в пустоту.

- Как зовут? - не унимается напарник. - Имя есть? Ну, там... Маша, Даша, Глаша? Или как вы там себя зовёте?

Молчит.

Лёха вздыхает, вытряхивает сигарету, нервно крутя её в пальцах.

- Немая, что ли? - бурчит себе под нос.

- Отстань от неё.

- Чего «отстань»? – ерепенится. - Это ты её приволок, а спросят с меня. Оно мне надо, блять?!

- Никто не спросит.

- Ага, конечно. Мы ж напарники. Твои косяки - мои косяки.

Между строк: «отец»... снова. И да, он прав. Я подставил не только себя, но и его. Смотрю назад: девчонка сидит на сиденье, с неё течёт - вода, грязь, какая-то лесная дрянь.

Обивка и так не новая, а теперь там вообще болото. За это по шапке дадут.

- Воды ей дай... - раздражённо выдыхает напарник, кивая на бардачок.

Вытаскиваю мягкую полторашку, откручиваю крышку и протягиваю горе-мученице.

- На, попей.

Мелкая переводит взгляд на бутылку. Медленно, растянуто и смотрит так, словно не понимает, что это такое.

Прекрасно, блять...

Смотрит на Лёху, на меня, снова на бутылку. В глазах недоверие и целый пуд страха.

- Пей, не отравлено.

Отпиваю сам, улыбаюсь шире, а она смотрит как зверёк, того и гляди начнёт кусаться.

Да... перепугали до самого не могу.

Качаю головой. Тонкая, худая, прозрачная практически – а уже по уши в дерьме.

- Давай-давай, смелей.

Берёт бутылку, подносит к губам и всё-таки пьёт. Секунды не проходит, как жадно присасывается – взхлёб глотает. Вода течёт по подбородку, шее, на мой китель.

И какого хрена я его с собой взял, идиот?

В какой-то момент, пристыженно отстраняется, вытирая тыльной стороной ладони губы, размазывая грязь по лицу ещё больше.

- О-о-о, что, даже «спасибо» не скажешь? - усмехается напарник. - А имя? Имя своё скажешь?

Молчит, выстреливая в его затылок взглядом, но как только видит, что я списываю— прячет нос за ворот.

Вздыхаю, отворачиваясь вперёд. До трассы ещё минут сорок по просёлочной. И пока мы двигаемся вперёд, буквально наощупь, в моей голове крутятся мысли, а если точнее хреново самобичевание.

Зачем полез? Знал же, чем это может обернуться и всё равно полез.

Операция, начальство, дождь — всё это нависает очередным грозовым облаком над головой. Но я точно знаю, что останься я на месте, в засаде — не смог бы слушать, как она орёт. Я пошёл в структуры, потому что с самого детства видел, как отец получал награды, как добро помогает избежать зла. Да, я всё понимаю и суровые реалии тоже. Но тут я не из-за собственного эго и желания получать звёздочки, не совсем из-за этого...

- Сотников, а если она реально немая? Или тронутая? Чего мы с ней делать-то будем?

- В отделе разберутся.

- Не надо было с собой тащить! — снова выстреливает.

- А что делать? Оставить под деревом?!

Смотрим несколько секунд друг на друга.

- Ага, разберутся. Ей сколько лет? Выглядит на десять ещё и ПДН будет права качать.

Ничего не отвечаю. ПДН или не ПДН, но оставить человека в опасности - тоже противозаконно. Тем более хрупкую девчонку. Это в общем чистая удача, что мы там оказались, так бы он её придушил и не заметил...

Во двор въезжаем под утро. Дождь кончился, но небо всё равно плотно-серое. Лёха паркует Ниву между патрульными тачками и глушит мотор. Выхожу, открываю заднюю, заглядывая вовнутрь. Девчонка как сидела, так и сидит.

В рассеянном свете что она, что я выглядим как после грязевой ванны, что по сути является правдой, с единственным исключением – в свою я сам залез, а её там ещё и трахнуть пытались. Смотрю на аккуратные пальцы ног перепачканные землёй и чем-то красным, кажется кровью.

Босая, как и думал... Видимо потеряла обувь пока я её тащил.

- Вылезай, - киваю на улицу. - Приехали.

Она медленно, неловко выбирается из машины. Серые тряпки ниспадают до асфальта, а мой китель покоится на плечах – грязный до предела: и отпечатки пальцев, и ветки... Похоже, без химчистки не обойтись.

- Подожди. – останавливаю дрожащую девчонку. – Стой тут.

- Эй, ты куда? – кричит в спину Лёха.

- Ща, носки ей дам.

Открываю багажник своей личной машины, вытаскиваю из пакета носки со спортивными штанами и иду обратно. Напарник в этот момент буравит меня взглядом, и, пока я пишаю девчонке одежду, он не сдерживается:

- Пиздец.

Меня его вставки «между делом» порядком бесят, но игнорирую. Смотрю, как одевается молчаливая девушка, как перехватывает дрожащими пальцами китель - лишь бы не оголиться больше.

Трындец у неё ночка.

Как только выпрямляется, подхватываю под локоть и стараясь не думать о том какая она вся тонкая, почти прозрачная - веду по ступеням вверх, а далее к проходной. В какой-то момент она, пытается упираться, даже отталкивается, но я сжимаю пальцы сильнее и пропихиваю дальше.

- Идём, времени нет.

Заходим внутрь. Коридор, тусклый свет. Дежурный за стеклом поднимает голову. Видит меня, Лёху и чудо в кителе - и дальше следует невероятная смесь офигения с закономерным:

- Это чё такое?

- Трофей, - вставляет напарник.

Глаза Жоры становятся ещё круглее:

- И куда... в обезьянник?

- Нет, – отмахиваюсь. - Громов у себя?

- У себя, - запинается дежурный, хмуро оглядывая снова

сжавшуюся в клубочек девушку. - Подожди, это чья форма? Твоя что-ли?

Не считая нужным отчитываться, веду по коридору дальше, а она, растеряв всю свою воинственность, цепляется за мой рукав, как за родной.

Надо же, какие мы смиренные резко стали...

Подходим. Останавливаюсь у двери и сразу же стучу. Толку оттягивать неизбежное?

- Войдите!

Заходим. Громов, сидя за столом встречает нашу троицу прямым взглядом.

Секунда. Две. Три. Тишина - и после в его глазах буквально проворачиваются шестерёнки. Громов старый, тёртый опер: ему хватает нескольких мгновений, чтобы сложить дважды два.

- Та-а-ак, - тянет, откидываясь в кресле. – И кто у нас тут?

Оборачиваюсь, глядя на девчонку, опустившую глаза. Понятно: ничего не скажет. Зря она так - дежурный не просто так заикнулся про обезьянник.

- Мужика с неё снял. Орала на весь лес. Я так понял, она из «местных».

- И?

- И пришлось изолировать в машине, а дальше пришёл отбой.

- И ты её сюда приволок значит...

Громов встаёт, медленно обходит стол, подходит ближе,

не сводя взгляда с неожиданно прижавшейся ко мне «спасённой». Останавливается в шаге, смотрит верху вниз.

- Значит все свалили, и ты одна осталась?

Вздрагивает, поднимает на него глаза, но тут же обжигается, прячась за меня.

Что за детский сад?

Пытаюсь расцепить руки. Эффект обратный – вжалась сильнее.

- В смысле свалили? – вставляет свои три копейки Лёха.

- Никого не взяли?

Громов скалится – желваки ходуном ходят, но взгляда от трясущейся немой не отводит.

- Да, Сотников, не ожидал от тебя такой инициативы...

Игнорируя вопрос, тянет начальство.

- Её нельзя было так оставлять. Перестраховался.

Переводит на меня глаза, Лёха стоит за спиной и пикнуть не решается, а я... да хрен его знает откуда столько ослиного упрямства – голодный и злой, наверное, поэтому.

- Молодец, хвалю. – неожиданно говорит Громов, похлопав по плечу. – Она у нас одна только и есть.

Одна? Да там человек сто было! Какая «одна»?

Подполковник возвращается к столу, вытаскивает лист, следом на стол с грохотом опускается ручка и кивнув, говорит:

- Пусть пишет всё что знает. Может они там закопались где-то и сидят, суки.

Со спины обхватывают тоненькие ручки, и я, находясь в полном ахере, выдаю поспешное:

- Товарищ подполковник, она молчит, мы пытались разговаривать...

- Мне тебе рассказать, как и что нужно сделать? Ей, кстати, сколько лет? – вытянув шею, заглядывает за меня.

- Лет шестнадцать, может чуть старше... - вставляет Лёха, насильно отрывая от меня «немую».

Та испугавшись, начинает орать и кидаться ко мне обратно. То есть буквально – в руки.

Твою мать....

- Вот видите. Совсем дикая!" – восклицает напарник, демонстрируя запястье, за которое его успели цапнуть.

- Чёрт... ПДН мне тут ещё не хватало до кучи! – раздражённо выдыхает Громов. – Милая девочка, – обращается к перепуганной девочке, – давай ты нам расскажешь, куда могли уйти твои знакомые, а мы тебе чай нальём...

Не тут-то было, вцепилась в меня намертво, в ответ активно качая головой и всё...

Начальству такое не нравится, но на неё Громов не срывается. Командует Лёхе:

- Уведи.

Перехватив поперёк брыкающуюся девчонку, напарник вытаскивает её орущую за дверь, а наш главный опер, тем временем, рассуждает вслух:

- Блять, руки связаны. Если Катька прибежит – кипиш

устроит. Так, Сотников, слушай сюда: берёшь перепуганную лань под белые рученьки и договаривайся с ней как хочешь. А лучше нет... увези пока из отдела, сделаем видимость, что ты не привозил, а с Катей я договорюсь потом.

- Подождите, куда я её?

Взгляд начальства становится холоднее.

- Мне плевать куда. Здесь её быть не должно. Всё, иди. Вечером доложишь. – и будто бы не мне. - Кто-то из них заговорит первым, - не успеваю среагировать, как подполковник снова смотрит в мои глаза и командует: - Некогда мне ею заниматься, иди.

- Есть ещё кто-то? – спрашиваю, зацепившись за несоответствие.

Громов бесится, но отвечает вовсе не на вопрос... меня продавливают дальше:

- Нельзя в соцзащиту. Там она закроется, зажмётся ещё больше, испугается тёток в халатах. А нам нужно, чтобы она говорила, понятно? Иначе мы этих бородатых до зимы искать будем.

Пиздец, нашли крайнего...

- Она на тебя реагирует, продолжает. - Ты её спас, и ты для неё герой. Так что, иди.

- Я не психолог.

- А мне похер, - давит. – Психолога - потом. Сейчас мне нужна информация. Вези к себе: пои, корми, дай поспать. Пусть приходит в себя. Потом аккуратно, без нажима, по-

попробуй разговорить. Где живут, сколько народу, как выглядят главные, кто приезжает, о чём говорили. Сладости ей купи... она - девчонка, ты – герой. Действуй.

- А если не заговорит?

- Заговорит, куда денется. Включится синдром жертвы или чё у них там срабатывает, и на волне доверия, скажет.

Я как стоял в ахере, так и остался стоять.

- Всё, Сотников, - отмахивается, - свободен. К вечеру жду рапорт. И приведи себя в порядок - смотреть страшно. Тебе тут забегаловка что ли?

Мой внешний вид меня волнует куда как меньше, поэтому:

- Товарищ подполковник... а если её ищут? Я понятия не имею, видели нас или нет.

Громов прищуривается.

- Захар, что я непонятого сказал? – молчу, жду.

Начальство выдыхает, и берётся пояснять:

- Ты и повезёшь её к себе, а не в общагу при отделе. Адрес твой нигде не светится, ты у нас стажёр, если забыл. Так что посидите пару дней. Всё, иди. Некогда мне.

Разворачиваюсь и выхожу, чувствуя, как в спину летят острейшие кинжалы, от которых не увернуться.

Дверь тихо скрипит, а глаза напарываются на бледное лицо девчонки: искусанные губы, острые скулы, огромные глаза. Мокрая, грязная... в моём кителе, в моих, блять, носках.

И вдруг она тихо, еле слышно, произносит:

- А... мама? Там мама...

Закрываю глаза, растирая переносицу.

Твою мать, я попал...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.